

Рука Конан крепко обхватила его член, пока она сосала его, обнаружив, что совершенно не способна контролировать свое тело, двигающееся в соответствии с нахлынувшим на нее возбуждением. Она была бессильна что-либо сделать, чтобы остановить это. Она крепко сжимала член, засасывая его все глубже, позволяя ему проникать в ее рот, и стон раздавался в ее горле, когда какая-то часть ее сознания принимала то, что она делала, как то, что она должна была делать. Это была любопытная и бессмысленная мысль, но она не могла остановить дрожь, которая, казалось, была в восторге от такого поворота событий.

За считанные секунды после сосания ее трусики намокли. Ее киска не должна была быть такой мокрой. Не могла быть такой мокрой, но она ничего не могла с этим поделать, беспомощно обхватив рукой толстое основание члена, который она сосала. Ее голова двигалась вперед-назад с дрожью, которая говорила о похоти, в которую она отказывалась верить. Это было видно по ее глазам: мужчина, которого она ласкала, смотрел на нее с самодовольной улыбкой, наслаждаясь тем, как она работает с его членом.

Он погладил ее по голове:

- Ну что, хорошая маленькая хуесоска? Да, ты такая.

Конан злилась, унижалась, расстраивалась и еще больше возбуждалась. Как он мог шутить, когда его член был так глубоко в ее горле, когда он заставлял ее задыхаться, когда она давила вперед и чувствовала, как головка члена трется о стенку ее горла. Ее глаза плотно закрылись, пока она терпела унижение от глубокого глотка члена через расстроенные автоматические процессы тела, которое она не могла контролировать. Было достаточно плохо сосать член против ее воли, но чтобы ее поглаживали, пока она это делала? Она ненавидела это делать, это было больно, добавляя еще один слой разочарования к уже нарастающему безумию этой ситуации.

Слюна стекала по ее подбородку, когда она небрежно сосала член. Воздуха не хватало, но она не могла замедлиться, непрерывно засасывая член глубоко в горло, при каждом толчке вперед прижимаясь губами к его основанию в небрежном поцелуе к его тазу. Ее глаза слезились от напряжения, слезы понемногу стекали по глазам, но все же она не могла отстраниться, как бы ей этого ни хотелось. Не было никакой возможности отстраниться от члена, когда она шумно задыхалась на нем, трахая его своим лицом, словно она была озарена жгучей потребностью и желанием, которых у нее просто не было.

По крайней мере, она говорила себе, что это не так.

Жжение между ног было невозможно отрицать, и она ничего не могла с собой поделать, когда ее свободная рука начала бегать по ее телу, по изгибам, любовно обтянутым майкой и шортами. Она ласкала свои сиськи, рука потянулась вниз, к бугорку, обхватила его через топик и стала тереть, похныкивая. Другая рука крепко держалась за член, который она сосала все быстрее и сильнее, движимая потребностью поддаться и выполнить то, что казалось ей совершенно неправильным. Она знала, что ничем хорошим это не кончится, так как ее тело начало извиваться, прижимаясь тазом к другой руке в погоне за удовольствием, которого она не должна была желать.

Она приняла его целиком, ее рот и горло заполнились его мужским достоинством, а губы прижались к его промежности. Член дернулся в ее глотке, когда она кончила, забрызгав мокрые шорты. Затем она отпрянула назад, задыхаясь и пытаясь отбросить себя как можно дальше от Джинчурики в поисках хоть какого-то смысла, но не нашла его, не в силах ничего сделать, чтобы помочь себе, так как осталась на месте. Вместо того, чтобы упасть на спину, Конан снова подалась вперед, схватив его член. Его ухмылка стала еще шире, когда она поцеловала его член целомудренным, небрежным поцелуем и потерлась носом о его набухшие яйца, вбирая их запах.

- Ты умрешь, - сказала она ему, облизывая его член, покрывая его своей слюной от основания до кончика. - А я буду наблюдать за этим, - ее угроза только рассмешила его, он даже не вздрогнул, когда она зарылась лицом в его мешочек.

- Много болтаешь, членососка.

Конан не могла ничего сделать, чтобы остановить себя, она прижалась к нему, даже не облизывая его яйца, просто уткнувшись лицом в него и потираясь носом и щеками о набухший, потный, пухлый мешочек с яйцами. Ее глаза закрылись, когда она сделала глубокий вдох, дрожь пробежала по позвоночнику, когда она погладила член, и его запах захватил ее чувства. Другой рукой она продолжала водить по своей киске, пытаясь освободиться, пока ее мокрая пизда продолжала течь. Она чувствовала себя такой чувствительной, словно по всему ее телу пылал огонь, но она не могла его погасить, оставшись стоять на коленях и стонать от разочарования, так как ее тело продолжало болеть.

Запах яиц, так плотно прижатых к ее лицу, заставлял ее вздрагивать, а голова была спутанной, тяжелой, мысли путались и плыли. Она не могла ясно мыслить, все расплывалось в глазах, когда она стояла на коленях и начинала лизать пухлые яйца, проводя языком по большому мешочку. Это было бесполезно. Она покорилась, пока что. Ее рука продолжала тереть свою киску, а другая гладила его большой член, с которого стекала сперма на лоб, когда она смотрела на него. На его толщину, на вены, бегущие по всей длине, на то, как он дергался и пульсировал в ее руке. Она заиклилась на его члене, как никогда раньше, никогда такая мысль даже не приходила ей в голову, и все, о чем она могла думать, это как сильно она хотела заставить его кончить.

- Что ты со мной сделал? Я думала, ты можешь просто управлять моим телом, - говорила она, не прекращая разочарованных попыток задавать вопросы в перерывах между сосанием яиц, обожая их долгими, жадными поцелуями. Она была беспомощна, и не только ее тело сдалось, но и мысли все больше и больше отдавались этому, захлестываемые волной чистой похоти, содрогающейся в ее теле, и чем больше она принимала, тем меньше знала, как с этим справиться. Что она могла сделать, чтобы остановить это? Конан нужно было снова контролировать свое тело, нужно было заставить его заплатить за то, что он с ней сделал. Но она ничего не могла найти. Как она ни старалась, она так и осталась стоять на коленях, засасывая в рот его левый орех и жадно посасывая его, пока он бил членом по ее лицу.

- Что ж, твой разум - твой собственный, - Наруто Узумаки взъерошил ее волосы. - Я контролирую только твоё тело. Не вини меня в том, что внутри ты похотливая шлюшка.

Его слова привели ее в бешенство, потому что Конан знала, что он лжет; она не могла даже представить себе, что хотела этого - чего бы то ни было. «Это он! Он лжет». Она ненавидела его, и это только злило ее еще больше, толкало дальше в лапы того, что овладевало ею. Она сосала яйца и теребила свою киску, не получая никакого ответа, и все, что могло быть не так, было, но она не знала, как еще она могла бы справиться с этим, держась изо всех сил, но в проигрышной ситуации, против которой у нее не было шансов бороться, и еще меньше надежды на то, что это закончится.

Тщательно пососав левое яйцо, она перешла к правому, провела по нему языком и тоже взяла в рот, высасывая пот с его мешочка, пока лихорадочно водила рукой по его члену. Разумная часть ее сознания быстро уступала извращенным ощущениям, которые будоражили ту половину ее разума, которая заставляла ее лизать правый орех Джинчурики и с досадой продолжала работать над своей киской в надежде на оргазмическое облегчение. Облегчение, которое должно было наступить уже сейчас, но не наступило.

Конан взяла в рот всю мошонку Узумаки, расширив глаза, когда сосала его, член прижался к ее лицу, позволяя ей впиться взглядом в блестящий, пульсирующий ствол и обожать его, небрежно размазывая свое лицо по нему, стоная, когда ее глаза остекленели, и она работала над тем, чтобы просто попытаться снять его. Это было все, о чем она могла думать, единственная разумная или хотя бы отдаленно здравая мысль, которая приходила ей в голову, пока она продолжала работать, лихорадочно и шумно насаживаясь на тяжелые яйца, которые казались ей лучше и горячее, чем когда-либо прежде.

Потереть лицо о член, поклоняясь его яйцам, было верным способом заставить мужчину, перед которым она стояла на коленях.

Он стоял совершенно уверенно, его член пульсировал, когда она отстранилась, снова схватила его и шлепнула по своему лицу, управляя им, чтобы размазать сперму по своему лицу, стоная и потирая свою киску, но ничего не получая от этого.

Она была растерзана и беспомощна, разочарована и с каждой минутой ей становилось только хуже, когда она высунула язык и несколько раз шлепнула им по лицу, загибая его так, чтобы не лизнуть ни одного места. Она вдыхала все больше его грязного, большого члена внутри себя, закрыв глаза и напевая, пытаясь вобрать в себя как можно больше, чтобы заставить его содрогаться так же сильно, как и она. Несмотря на свою ненависть, она почувствовала, как в ней нарастает легкое самодовольство, когда услышала его стон. Он вздохнул, когда его пальцы погрузились в глубину ее волос, схватив ее за затылок, притягивая ее еще ближе, пока она глотала все это.

- Ммххх... - она громко хмыкнула, ее щеки вспыхнули красным цветом, ее руки обхватили его сильные ноги, когда она сомкнула губы вокруг края его члена и начала плавно покачивать головой вперед-назад, издавая хлюпающие звуки, когда она отсасывала его, покачивая головой вверх-вниз, снова и снова, решив заставить его выпустить все.

- Тебе это нравится, не так ли, Конан? - его голос заставил ее остановиться на секунду, прежде чем она продолжила. Она не хотела ничего из этого слышать. Это был не ее выбор. Это все из-

- Конечно! - передразнил он ее, его взгляд сузился. - Это ты хочешь, чтобы я кончил. Чтобы я потерял рассудок, чтобы я почувствовал тот же уровень отчаяния, что и ты. Разве не так? - Конан хотела сказать нет. Несмотря на все, что произошло, она не хотела этого говорить. И все же в ее сознании что-то вырвалось наружу, дало волю. Что-то в ее нутре.

- Да. Мммм, - Конан застонала, когда почувствовала, как его губы прижались к ее. Она слегка застонала, раздвигая губы, чтобы попробовать его язык.

Постепенно она почувствовала, что тает от того, как его язык прижимается к ней. С желанием заставить его чувствовать себя таким же горячим, как она, она оттолкнулась, пытаясь доминировать над ним. Ей это не удалось, так как она почувствовала, что ее прижимает к стене, а его руки продолжают ласкать ее груди. Он сжимал их, играл с ними и щипал ее видимые розовые соски через лифчик, ее пизденка намочила ее влажные трусики, заставив ее поджать ноги. Ее тело начало гореть. Лифчик упал, и она почувствовала, что его руки трогают ее сиськи самым грубым образом, ее розовые, проколотые соски затрепетали от его шипков.

<http://tl.rulate.ru/book/73452/2033402>

<http://tl.rulate.ru/book/29/47983>